

Н. В. КОДРЯНСКАЯ

ВСТРЕЧИ С БУНИНЫМ

Наталья Владимировна Кодрянская — писательница. Живет в Париже. Печатается с 1940 г. Автор книг: «Сказки» (1950; с предисловием А. М. Ремизова. Илл. Н. Гончаровой), «Глобусный человечек» и «Золотой дар» (1964). Ее книга «Алексей Ремизов» (Париж, 1959) включает воспоминания о писателе, его письма, дневники и рисунки. Н. В. Кодрянская передала в СССР письма Бунина и другие материалы своего архива. Хранившаяся у нее часть обстановки из парижской квартиры Бунина поступила по ее желанию в Музей И. С. Тургенева в Орле.

Публикуемые воспоминания написаны для «Литературного наследства».

«Хотите я познакомлю вас с Буниным?» — как-то сказала мне Галина Николаевна Кузнецова. Познакомиться с Иваном Алексеевичем было для меня большим событием. Из современников он был мне ближе кого-либо другого.

С первой же встречи с Иваном Алексеевичем, в 1937 г., у нас установились дружеские, полупутливые отношения. Но это не мешало мне чуть-чуть побаиваться его, и при встрече с ним я часто робела.

Вера Николаевна не раз с улыбкой говорила мне: «Почему вы боитесь Ивана Алексеевича? Он совсем не страшный — лучше устройте так, чтобы он вас боялся». Но я никак не могла привыкнуть к резким переменам в его настроении. Было несколько Буниных: один простой в обращении, очаровывавший с первого слова, — таким я его любила. А надменный, резкий, пусть резкий и не со мной, но при мне с другими, — такой Иван Алексеевич был мне чужд. Но все ступеньвалось перед его душевной нежностью. Особенно я ее почувствовала, когда умерла моя мать. Это было уже после войны. Я зашла к Буниным. Иван Алексеевич был дома один. Он уже знал о моей потере. Усадив меня рядом с собой, он взял мою руку в свою и долго молчал. В этом молчании, в этом тихом пожатии руки было столько сочувствия к чужому горю, что все те слова, которые обычно говорятя в таких случаях, показались бы ненужными, заставлявшими втайне краснеть.

Через несколько дней после моего знакомства с Буниным я узнала, что Иван Алексеевич, Галина Николаевна Кузнецова и Марга Августовна Степун собираются на юг, в Грасс, где их уже ждет Вера Николаевна. На предложение Галины Николаевны поехать с ними я с радостью согласилась. Наняв русского таксиста, мы рано поутру выехали из Парижа. Эта поездка осталась в моей памяти связанной с необыкновенно высоким синим небом, с быстро несущимися мимо нас пейзажами. Живописно расположенные деревушки сменялись полями. Огромные тенистые леса напоминали Ивану Алексеевичу Россию. Он в духе, весел, разговорчив. И вдруг я вспоминаю, как знакомый журналист перед самым отъездом из Парижа посоветовал мне записывать все, что будет говорить Бунин, чтобы когда-нибудь этим материалом воспользоваться. Мне это до того кажется чудовищным, что я тут же все, что говорил Иван Алексеевич, стараюсь забыть. Такое отношение к Ивану Алексеевичу у меня осталось на всю жизнь.

Теперь, на расстоянии стольких лет, когда Бунина нет, я понимаю, что была, пожалуй, не совсем права, но иначе поступить я не хотела и не могла!

Переночевав в каком-то небольшом провансальском городке, мы снова двинулись в путь. В Грасс приехали вечером, когда на небо еще не вышли все звезды и длились темные сумерки.

На пороге дома, с зажженной лампой в руке, освещавшей снизу вверх милое, приветливое лицо и стройную фигуру, нас встретила хозяйка дома — Вера Николаевна. В Грассе я пробыла недолго. Иван Алексеевич часто ездил в Канны, а то и в Ниццу, где у него были друзья. В такие дни, возвращаясь домой, он бывал в особенно хорошем, приподнятом настроении. При встрече с нами он обычно останавливался, чтобы перекинуться двумя, тремя словами: «Ну что, барышни, все гуляете?» («барышнями» называла всех дам Олечка Жирова, любимица Буниных, гостившая у них со своей матерью).

Подымался Иван Алексеевич в гору на дачу легко, как молодой. В руках обычно были пакетики с закусками, бутылка вина. И хотя он ни в чем не был схож с чеховским Гаевым из «Вишневого сада» (эту чеховскую пьесу Иван Алексеевич особенно не любил), все же своей беззаботностью в эти моменты мне его напоминал.

По возвращении Буниных в Париж я и муж стали у них бывать часто. Война нас разлучила на долгие годы. Мы жили в Америке. Вести о Буниных доходили до нас редко. И вести были печальные. По окончании войны мы снова стали бывать в Париже, где оставались порой довольно долго, и добрые наши отношения с Буниным укрепились.

Иван Алексеевич в разговорах со мной не раз касался других писателей — нередко и советских. Прочитав впервые «Корчму на Брагинке» К. Паустовского, которая очень пришлась ему по душе, он тут же послал Константину Георгиевичу открытку: *

«Дорогой Собрат, я прочитал ваш рассказ „Корчма на Брагинке“ и хочу вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа („под занавес“), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго! Ив. Бунин. 15.IX.47».

Восхищался Иван Алексеевич и «Василием Теркиным» Твардовского, говорил также о других советских писателях, с которыми встречался в Париже. Передавать всего я не буду, да не все и запомнила.

Очень одобрительно, очень дружественно отзывался о М. А. Алданове. Высоко ценил Льва Шестова. Статью Шестова «Творчество из ничего», написанную очень давно под впечатлением смерти Чехова, он считал самым верным и пронизательным из всего, что сказано было о Чехове до наших дней.

Я дружила с А. М. Ремизовым и, естественно, меня особенно интересовало то, что Иван Алексеевич говорил о нем. К сожалению, суждения его об Алексее Михайловиче и как о писателе, и как о человеке неизменно вызывали во мне тягостное чувство. Впрочем, должна признаться, что и Ремизов относился к Бунину отрицательно, хотя по мягкости и терпимости своей натуры до такой резкости, как Иван Алексеевич, никогда не доходил.

Если бы судить только по шутливой надписи, сделанной Буниным Ремизову на своей, подаренной ему в 1946 г. книге «Божье древо», то личные их отношения могли бы показаться неплохими (факсимиле этой надписи см. на стр. 345).

Но хулили они друг друга в глаза и за глаза и знали почти все, что один говорил о другом, что, впрочем, не мешало им встречаться.

* Текст этой открытки, как любезно сообщила мне Татьяна Алексеевна Паустовская, был тогда же переписан Константином Георгиевичем в свой дневник. Факсимиле открытки см. в настоящ. книге, на стр. 405.

БУНИН

Фотография. Москва, 1903. С дарственной надписью: «Ив. Бунин. Москва, 1903 год»; «Н. В. Кодрянской. Дорогая Наташа, целую вас и прошу простить: подурнел я немножко за полвека! 1953 г. Париж»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Чем дальше шли годы, тем нетерпимее и придирчивее становился Бунин к творчеству Ремизова. Бунин считал и не раз об этом говорил, что утверждение Ремизова, будто все мы теперь пишем испорченным русским языком, неверно. Мнимую «порчу» Бунин называл упорядочением, очищением, окончательным установлением. А попытки Ремизова писать так, как писали до Петра, или уловить разговорный «живой» склад речи того времени считал неосуществимыми, а главное ненужными. Было еще и другое. Ремизов вел свою родословную от Гоголя. Гоголя Бунин недолюбливал и не только Ремизову, но и мне не раз говорил, что Гоголь — «глубок». Смущало Бунина и то, что было в Гоголе уклончивого, хитрого и двоящегося. Он признавал, конечно, великое дарование Гоголя, но считал, что основное свойство русской литературы — правдивость и что научил ее этому не Гоголь, а Пушкин и Толстой. Да и Ремизов, который раньше только усмехался на нападки Бунина, стал воспринимать их болезненно. В 1951 г. произошел неожиданный и нелепый случай, который навсегда их развлек и усилил их взаимную неприязнь.

Иван Алексеевич все больше лежал тогда в постели. Раз в неделю, по четвергам, у Буниных собирались, как и в прошлые годы, писатели, поэты, друзья, иногда бывали и приезжие из других стран. И вот однажды вечером я с мужем, перед тем как поехать на бунинский прием, заглянули к Ремизову, а на вопрос его: «Почему мы спешим?» — сказали, что мы и так опаздываем к Буниным. Алексей Михайлович оживился: «А что, если я с вами поеду?» Мы были этому очень рады, так как считали, что их разногласие было делом чисто литературным, профессио-

В отдел рукописей Государственной библиотеки имени Ленина — передаю эту книгу, подаренную мне Иваном Алексеевичем Буниным. Москва, 19/VIII—64

Н. В. Кодрянский
 Дорогая Наташа, прекрасная Лорелея, не взирая на Ремизова, распускающего слухи, что он гораздо красивее меня, я дерзнул в вас влюбиться и признаюсь вам в этом словами Карла Ивановича Мауера из "Детства" Льва Толстого: "Помните близко, Помните далеко, Помните моего!"

*Помните близко,
 Помните далеко,
 Помните моего
 Еще отныне и до всегда,
 Как вовек я любить
 Умею!*

Париж, 5 марта 1950 г.

Ив. Бунинъ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БУНИНА НА СБОРНИКЕ «ИЗБРАННЫЕ СТИХИ»

(Париж, 1929):

«Н. В. Кодрянской. Дорогая Наташа, прекрасная Лорелея, не взирая на Ремизова, распускающего слухи, что он гораздо красивее меня, я дерзнул в вас влюбиться и признаюсь вам в этом словами Карла Ивановича Мауера из „Детства“ Льва Толстого: Помните близко, / Помните далеко, / Помните моего / Еще отныне и до всегда, / Как верен я любить умею! Париж, 5 марта 1950 г.

Ив. Бунин»

Обложка и форзац

На обложке дарственная надпись Н. В. Кодрянской: «В отдел рукописей Государственной библиотеки имени Ленина — передаю эту книгу, подаренную мне Иваном Алексеевичем Буниным. Москва, 19/VIII—64»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

нальным. Да и кроме того, Алексей Михайлович уже многие годы почти нигде не выходил.

Придя к Буниным, мы застали в столовой небольшое общество. Иван Алексеевич сидел, как обычно, в кресле. Увидя Ремизова, он будто нехотя поднялся и, величественный, еще красивый, пошел нам навстречу. Обращаясь к Алексею Михайловичу, он отвесил утрированно низкий поклон и сказал: «Здравствуйте, старче. Как живете, старче?» В его голосе и манере говорить, в подделке под русский старинный народный лад звучала явная насмешка (я думаю, что если бы Иван Алексеевич не стал писателем, он был бы одним из самых больших актеров нашего времени).

Ремизов растерялся и не нашелся ничего ответить. Наступило тягостное молчание. Бунин вдруг поднялся и ушел к себе в кабинет. Время шло, а Бунин не возвращался. Алексей Михайлович весь как-то сжался в комок. Кое-кто из гостей подошел к нему, стал о чем-то расспрашивать.

Вскоре, не дождавшись Ивана Алексеевича, мы собрались уходить. Возвужденная и сильно расстроенная Вера Николаевна старалась, насколько могла, нас удержать. Но Ремизов уже не шел, а бежал к дверям, на нем лица не было. Такого приема он не ждал, не мог ждать. Он настолько был поражен случившимся, что, когда мы вышли на улицу, по ошибке сел не в наш, а в чужой автомобиль!

На следующий день Вера Николаевна пришла к нам объясняться. Оказалось, что Иван Алексеевич был так смущен неожиданным приходом

Ремизова из-за того, что за несколько минут до нас разносил его за русский язык. По своей привычке, он, вероятно, комически изображал его, придумывал фразы, будто бы сказанные Ремизовым, вроде того, что «Пушкин пишет хорошо, однако не совсем по-русски». Зная Бунина, я живо представила себе всю сцену. От неловкости он убежал в другую комнату, из которой Вера Николаевна не могла заставить его выйти.

«Боже, как все это глупо и нехорошо вышло, не мог же я знать, что он придет!» — по словам Веры Николаевны, повторял Бунин.

Мы, конечно, не сомневались, что именно так все и было, но до того огорчились за Алексея Михайловича, что долго после этого не ходили к Буниным.

Эта обида не была забыта Ремизовым, хотя и не оборвала его редких встреч с Буниным.

Вот, в подтверждение сказанного, несколько выдержек из дневников-писем Алексея Михайловича ко мне — 1956 г.:

...Бунин заходил ко мне с Бахрахом или Пантелеймоновым¹. Пантелеймонов без водки и закуски ко мне не показывался. Говорил обыкновенно Бунин, чаще ругая...

...Единственный И. А. Бунин — недаром славился абсолютным слухом — обратил внимание не на слова, а на слог — связь слов. Мой синтаксис приводил его в ярость. Безграмотно. Пример: последняя фраза в рассказе о Шмелеве из «Мышкиной Дудочки»: «и не палка, не посох, клюкой стуча по тротуару, центурионом повернул за угол и пропал». А по Бунину надо было сказать: «и не палкой, не посохом, клюкой стуча по тротуару, центурионом повернул за угол и пропал».

*Дорогому Алексею Михайловичу,
Мудрейшему и Хитрейшему
Великому Бобру,
от его почитателя и
хулителя,
картвенного и
Великого Муфтия,
с покорнейшей просьбой прочесть
„Божье Древо“ и „Странствия“.*

*Ив. Бунин
16.X.1946*

Париж

*Наталья Владимировна
Кодрянская*

*1 книга сохр.
А.Ремизов*

5т 1153

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БУНИНА А. М. РЕМИЗОВУ НА СБОРНИКЕ «БОЖЬЕ ДРЕВО»
(Париж, 1931):

«Дорогому Алексею Михайловичу, Мудрейшему и Хитрейшему Великому Бобру, от его почитателя и хулителя, нареченного им Великим Муфтием, с покорнейшей просьбой прочесть „Божье Древо“ и „Странствия“. Ив. Бунин. 16.X.1946. Париж»

Нижне — дарственная надпись А. М. Ремизова: «Наталье Владимировне Кодрянской в канун отъезда. А. Ремизов. 5.VIII. 1953»

Обложка и форзац

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

О бунинском рассказе «Зойка и Валерия» (из «Темных аллей»): «Это надо оставить Селинам² и другим, нам, русским, не удастся...»

А на страницах рассказа Бунина «Три рубля», вышедшего в литературном альманахе «Орион» (Париж, 1947), Ремизов весь текст испещрил критическими перечерками.

О некоторых других встречах Бунина с Ремизовым рассказано в моей книге «Алексей Ремизов». Воспроизвожу один из этих рассказов, записанный со слов самого Алексея Михайловича.

«...Мы обыкновенно сидели на кухне. Говорил Бунин, уничтожая Достоевского. Да и Гоголю попадало: „лубок“.

Узнав, что я ничего не получаю от Богомолова³, он сказал: „Как собачонка на задних лапах ждет подачки“.

— Дадут,— заметил добродушно Пантелеймонов.

Бунин обличал меня в скарденности. Он был убежден, что я прятал деньги.

— Где ваша кубышка? — Бунин думал, что если не дворянского рода, а купеческого, то обязательно держат кубышку.

Как-то Бунин заглянул в кукушкину *. Мои стенные пестрые конструкции его не тронули, но он обратил внимание на большие свертки. Они занимали всю книжную полку.

— А что это? — спросил он.

— Это мой архив.

— И вы бережете свои рукописи?

И в этом вопросе мне послышалось искреннее удивление и презрение.

— Зачем вы храните ваши рукописи? — последнюю фразу он не сказал, но мне это прозвучало отчетливо. А я, вместо того, чтобы сказать: „По моей археологической страсти я не выбрасываю рукописи“, — виновато, как уличенный, промямлил:

— Для справок.

— Нет, не советую — уничтожайте!»

Иван Алексеевич говорил со мной о Ремизове редко, зная, что я люблю Алексея Михайловича. Но в одном из своих последних писем ко мне и моему мужу — 20 октября 1953 г. — он не удержался, чтобы снова не сказать, хотя и в шутливой форме, о Ремизове (см. факсимиле этого письма на стр. 347).

В августе 1950 г. Иван Алексеевич серьезно заболел. Боли он переносил с большим терпением. После долгих уговоров Иван Алексеевич, наконец, согласился лечь в клинику, но смутно надеялся, что все обойдется без операции. Тяжело было и Вере Николаевне, особенно потому, что у них дома еще не было телефона и ей приходилось бегать по друзьям и от них звонить.

Операция прошла благополучно, и через три недели Иван Алексеевич вернулся домой. Но ходить после этой операции он по-настоящему не мог, и невольно вспоминалось, как легко и быстро ходил он еще так недавно.

По возвращении Ивана Алексеевича из клиники начались толки в связи с его восьмидесятилетием (23 октября 1950 г.). Друзьям и знакомым Ивана Алексеевича было известно, что самым ненавистным днем в году был для него день рождения и никогда он его не праздновал. «Еще один год прибавился», — говорил он и старался куда-нибудь уехать. Но друзья уговорили его остаться в Париже, тем более, что в этот год он был очень слаб и никуда уехать не мог.

* Так в шутку называл Ремизов свою рабочую комнату.

20 окт. 1953 г.

Милые Кодрянские,
Шлю Вам сердечный по-
клон — и портрет Вашего
воспитанника: его мама
привела его, во ту пору еще
совсем маленького, укрэ-
ся возвращать испорченный
всеми нами (во главе с Пушки-
ным) русский язык на его «исконный»,

ПИСЬМО БУНИНА Н. В. и И. В. КОДРЯНСКИМ

Автограф (л. 1). «20 окт. 1953 г. Милые Кодрянские, шлю вам сердечный поклон — и портрет вашего воспитанника: его мама привела его, в ту пору еще совсем маленького, учиться возвращать испорченный всеми нами (во главе с Пушкиным) русский язык на его „исконный, истинно-русский лад“» (последние слова — на обороте листа)

Рисунок (наклеен) — вырезка из газеты

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Настоящее публичное чествование устроить было нельзя, главное, из-за здоровья, и решили ограничиться домашним приемом. Даже не было составлено никакого комитета. Правда, в газетах промелькнула заметка, что к четырем часам у Бунина состоится прием. От одного к другому слух о домашнем чествовании быстро распространился.

Прием начался с двух часов дня. Мало-помалу начали приходить делегации и поздравители. Иван Алексеевич принимал у себя в кабинете, в белоснежной рубашке, в халате, и вид у него был бодрый. Сидя на тахте, которая ему служила кроватью, он выслушивал адреса. В этот день около него, по очереди, сидели его друзья.

К четырем часам уже была невозможная теснота. Родственники, друзья, близкие, знакомые и даже совсем незнакомые люди, писатели, поэты. А были такие, которые знали Ивана Алексеевича еще совсем молодым, но не виделись с ним ни разу за все годы эмиграции.

От французов был комитет: «Comité pour célébrer le quatrevingtième anniversaire de l'écrivain Ivan Bounine»* — под председательством Андре Жида. Члены комитета: Роже Мартен дю Гар, Франсуа Мориак, Андре Моруа.

Не привожу ни названий делегаций, пришедших поздравить Ивана Алексеевича, ни имен гостей, собравшихся у него в этот день, ни длинного списка статей на русском и иностранных языках, посвященных

* Комитет по празднованию восьмидесятилетия писателя Ивана Бунина».

юбиляру. Вероятно, какой-нибудь будущий историк восстановит все эти данные ⁴.

У меня было чувство, что этот сравнительно скромный праздник все же по-своему передал значение Бунина как одного из крупнейших русских писателей нашего века, гордости русской литературы! Чествовали мы Ивана Алексеевича от всей души, желая доставить ему возможно большее удовлетворение и, кажется, достигли цели.

К концу дня Бунин был утомлен, но явно рад был убедиться, какой он окружен любовью, каким признанием. Для него наши приветствия были как бы приветствиями общерусскими, и он верил, что в этот день к этому празднику мысленно присоединяются на родине его друзья-читатели.

Привожу в заключение несколько отрывков из последних писем Бунина ко мне и моему мужу, И. В. Кодрянскому, а также писем Веры Николаевны ⁵. Первые интересны как свидетельство беспомощности Бунина в делах, особенно делах денежных.

ИЗ ПИСЕМ БУНИНА

29 января 1953 г.

Дорогой, добрый друг, Исаак Вениаминович ... Прилагаю мою доверенность вам для издательства имени Чехова; прилагаю еще, что мне прислала госпожа Z* на английском языке для подписи моей.

Я подписал, но так как ровно ничего не понял в том, что подписал, то шлю эту бумажку вам; если эта бумажка не вредна для меня, будьте добры послать ей ее, а если вредна, сделайте одолжение посоветовать мне, как я должен поступить в этом деле.

...Обнимаю вас, целую руку дорогой Наташе, шлем вам обоим наши лучшие чувства.

Иван Б у н и н.

31 октября 1953 г.

Дорогой Исаак Вениаминович,

Ваш чек на сто двадцать тысяч франков** мы нынче получили. От всей души благодарю.

...совсем замучился почти непрерывным удушьем. Погода у нас стоит довольно жаркая, что для меня, обреченного сидеть — точнее говоря, лежать — круглый год в своей спальне, — сплошная мука.

Жаль мне себя бесконечно. Все-таки преждевременно гибнет все, что дал мне бог по моей нищете! Ведь, например, я даже думать не смею выбраться хоть на самое малое время куда-нибудь из Парижа!..

Вера просит написать вам: «Мне немного лучше».

ИЗ ПИСЕМ В. Н. БУНИНОЙ

10 марта 1952 г.

... Иван Алексеевич опять в постели: заболел в прошлый четверг воспалением легких.

... Сейчас Иван Алексеевич волнуется, что не получает свою новую книгу: он писал Александровой, чтобы, за его счет, послать ее по авиону ⁶. Последняя посылка за книгу, насколько помнится, должна была быть нам выдана после выхода книги через месяц.

Иван Алексеевич очень просит вас, дорогой Исаак Вениаминович, опять прийти к нам на помощь, и еще вот что: в счет этих денег дать Галине Николаевне десять дол-

* Фамилия в письме Бунина заменена мною буквой Z.

** От Чеховского издательства.

ларов — ей нужны будут деньги на расходы по посылке некоторых книг Ю. Л. Сазовой, которая пишет для Америки историю литературы и хочет уделить немало страниц произведениям Бунина⁷. Иван Алексеевич очень просит дать их теперь же ...

24 апреля 1952.

... Сегодня стало ему легче, но ослабел он еще больше. Собственно, он живет от болезни до болезни. Только что начнет выходить в столовую, как опять заболевает, потом медленно поправляется. Это очень мешает ему жить и работать. А мы уже наметили кое-какие планы для работы — и опять перерыв. Я тоже и за страстную, и за святую утомилась сильно. Первую ночь, когда он болел, я спала около него, не раздеваясь...

25 сентября 1952.

... Получили ли вы чек или чеки из Чеховского издательства? Мы очень в долгах. Почувствовав себя крезами, мы решили устроить электрическую нагревалку для воды в ванной комнате, а это обойдется в 60 тысяч франков.

Кроме того, у нас уже взяли деньги за отопление, за два месяца телефона — пять тысяч пятьсот двадцать франков, за электричество возьмут вот-вот много, так как холода такие, что Иван Алексеевич круглые сутки греет решо *.

Кроме того, мы все переболели гриппом, который, надо сознаться, очень легкий, но все же два раза был Зернов и много раз я заглядывала в аптеку ...

9 февраля 1953 г.

...Иван Алексеевич пристально изучает Чехова. Если будут силы, бог даст, напишет о нем книгу. Сейчас острых заболеваний у него нет. Но задыхается, кашель мучает его изрядно. Большую часть времени сидит или лежит в постели, чаще по ночам за письменным столом.

Архив Ивана Алексеевича приходит в порядок, мне помогает моя подруга по гимназии Таня Алексинская. Она спец и работает на ять ...

16 октября 53.

...У бедного Ивана Алексеевича было опять воспаление в левом легком, и опять пенициллин ...

14—12—53

...Послезавтра сороковой день, а еще так свежо, точно это было вчера, а на душе еще тяжелее. Весь письменный стол, камин, маленький столик уставлены его портретами, а его нет и никогда не услышу: «Вера!» Но жить надо, и я живу и, прежде всего, для его памяти.

Был М. Н. Павловский. Плакал. А я плакать не могу **.

19 января 1954 г.

...Теперь о моих делах, вернее, о делах Ивана Алексеевича. Меня крайне удивила точка зрения Чеховского издательства на «Петлистые уши». Ведь над этой книгой работал Иван Алексеевич сам, и работал во вред своему здоровью: Наташа помнит, конечно, в каком он был состоянии, когда она приехала за ней: он весь дрожал и был не в состоянии принять ее у себя, проститься с ней. И за всю эту работу хотят эту книгу отнести в рубрику «вдовей».

Я считаю, это оскорбительно для памяти его. Следующие его книги они могут считать, как им вздумается, но эту нельзя. На нее нужно смотреть, как если бы он был еще жив. Она была послана им, а не мною.

Им кажется, книга мала; очень легко поправить: Иван Алексеевич вынул из нее, боясь ее объема, три вещи — «Дело корнета Елагина» и две маленьких («Подснежник» и «Первая любовь»). Я уже об этом писала Вере Александровне, но из ее письма не было видно, что она понимает, почему третья часть так мала.

* электрический рефлектор.

** Когда умер Иван Алексеевич, мы были в Нью-Йорке.

«Сны» были написаны в 1904 г., вернее, напечатаны, т. е. 50 лет тому назад, и Чехов восхитился, и, уезжая «околевать», как он сказал Телешову накануне своего отъезда, — сказал «...а Бунину передайте, чтобы писал и писал: из него выйдет большой писатель»⁸. Тогда Иван Алексеевич думал, что кончит свою книгу о Чехове, и она выйдет вместе с «Пётистыми ушами». Теперь я думаю, просто нужно уничтожить третью часть и «Сны» изъять из этой книги, оставив их, если Чеховское издательство пожелает издать их в одной из следующих книг. О последнем я не писала Вере Александровне, а написала, чтобы «Сны» поставили в конце. Теперь, подумав, нахожу, что «Сны» нужно вообще изъять, они не в тоне книги, хотя и очень хороши, но другая эпоха, поэтому он поставил III часть ... 28.II.54

По правде сказать, ничего не понимаю, почему такая задержка с книгой Ивана Алексеевича. Слышала, что Б. Зайцев уже получил свою треть за Чехова. По-видимому, плохо умирать. Точно все делают, чтобы книга вышла, когда будут заняты Чеховым и другими текущими вопросами.

Сейчас мы заняты устройством русского вечера. Снята уже Salle Chopin на 11 апреля...

Жаль, что вас еще не будет, но позднее нельзя.

Если бы вы знали, как скучно мне без Ивана Алексеевича. Завсе 47 лет нашей жизни никогда нам не было скучно... ну, да что говорить — все потускнело. И вот я одна. Ведь для меня одной он оставался молодым... прежним, умом я понимала перемену, а чувством нет. 17 ноября 1954 г.

7-го — 8-го ноября панихида годовая по Ивану Алексеевичу. В воскресенье 7-го была панихида в церкви на rue Montevideo. Было человек сорок, 8-го мы ездили на могилу. Свезли 12 горшков вереска, кто-то привез большой горшок золотистых хризантем, светло-лиловые и почти пунцовые. Панихиды были и там и здесь с хором, пели хорошо. В Париже служил владыко Сильвестр. Все было достойно Ивана Алексеевича. На кладбище было одиннадцать человек: Любовь Алексеевна, доктор. Бердяев, Софья Юльевна, Madame Конюс, трое Жировых, Михайлов, Баранова и я. День был чудесный ... Получила от Александровой письмо: ни «Толстого», ни «Деревни» не берут.

«Деревня» издана *тридцать два года тому назад*. Вероятно, есть завалящиеся экземпляры на русских складах, которые (их было больше) в 1934 г. не помешали «Петрополису» издать полное собрание Бунина, которое разошлось, и как раз «Деревня» и «Суходол» этого издания — библиографическая редкость {...} Стихи они не хотят, даже не пишут о них, хотя их-то нет в продаже ... 17.XII.54

... В книге о Чехове много нового. Между прочим, речь, произнесенная в Художественном театре 17 января 1910 г. в память пятидесятилетия Антона Павловича, в присутствии всей чеховской семьи. Иван Алексеевич имел огромный успех. Мать и сестра плакали, а Станиславский с Немировичем-Данченко приезжали пригласить вступить Ивана Алексеевича в их труппу ...⁹

Париж, 17 ноября 1957 г.

Переписываюсь с тремя литературоведами. Получаю очень восторженные письма об Иване Алексеевиче. Один пишет мне: «...Я знаю многих людей различного возраста и разных профессий, которые с особенным благоговением и восторгом говорят о несравненных творениях Ивана Алексеевича. В Москве и провинции, где я ни бывал, с кем бы ни переписывался, везде говорят о его книгах с восхищением. Об этом не стоило бы говорить, потому что это само собой разумеется, если бы это восхищение не было *особенным*, непохожим на любовь, скажем, к Толстому или Чехову — ведь каждый великий писатель вызывает отклик в человеческой душе по-своему. Это „особенное“ я не умею определить, но это то, что входит в душу трепетным чувством и приобщает к жизни вечной, общечеловеческой».

Другая литературоведка пишет, что она знает рассказы Бунина почти наизусть. Просит сообщить что-нибудь о нем, так как все для нее «драгоценность»...

Они присылают мне книги в подарок. Словом, такого внимания от незнакомых людей я в эмиграции не встречала...

Париж, 1970

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борис Григорьевич *Пантелеймонов* (1888—1950) — писатель, автор сборников «Золотое число» и «Последняя книга».

² Луи Фердинанд *Селин* (1894—1961) — французский писатель модернистского направления. Приобрел известность романами «Путешествие на край ночи» (1932) и «Смерть в рассрочку» (1936). В годы оккупации сотрудничал с гитлеровцами, за что был осужден в 1945 г.

³ Александр Ефремович *Богомолов* — посол Советского Союза во Франции в 1945—1946 гг.

⁴ См. приветственные письма Бунину от Андре Жида — настоящ. кн., стр. 384—387; от Франсуа Мориака — «Материалы», стр. 241.

⁵ Подлинники писем И. А. и В. Н. Буниных переданы Н. В. Кодрянской в ГБЛ и в ИРЛИ (см. настоящ. кн., стр. 500).

⁶ Книга Бунина «Весной в Иудее. — Роза Иерихона» вышла в свет в 1953 г. (изд-во им. Чехова, Нью-Йорк). В. А. *Александрова* — сотрудница изд-ва им. А. П. Чехова (Нью-Йорк).

⁷ См. об этом в воспоминаниях С. Ю. Прегель (настоящ. кн., стр. 356—357).

⁸ См. «Лит. наследство», т. 68, стр. 404.